

Новая жизнь советского города

А.Н. КАБАЦКОВ, А.И. КАЗАНКОВ

Настоящая статья посвящена социальной эволюции крупного промышленного центра в постсоветское время. Город Пермь может рассматриваться как типичный продукт социалистической модернизации. Пермь – областной центр, с 1940-го по 1957 г. носивший имя Молотов, формально был образован в результате механического соединения двух разнородных частей. Одной из них был рабочий поселок Мотовилиха, тогда город Молотово. Другой – остатки бывшего губернского города – собственно Перми, до 1917 г. населенного в основном чиновниками и купечеством. Развернувшееся в годы первых пятилеток строительство крупных заводов и эвакуация промышленных предприятий в годы Второй мировой войны увеличили население Перми более чем в три раза. Сложившаяся в 1930–1950-х годах колоссальная агломерация барачных заводских поселков полностью поглотила и преобразовала «материнские» поселения. И внешне, и топологически Пермь в это время не являлась городом. Типичная для города оппозиция частного и публичного пространства отсутствовала. Примерно 300 тыс. «новых горожан» – вчерашних деревенских жителей – были таковыми только номинально. Стать горожанами в подлинном смысле этого слова пермякам предоставила шанс хрущевская «жилищная революция», т. е. массовое индустриальное строительство экономичных, но благоустроенных и отдельных квартир. Именно в 1960–1970-х годах в городе формируется единое социальное пространство. В силу жесткой и с трудом поддающейся реформированию связи государственной экономики и технологий отправления публичной власти обвальное крушение политических структур на фоне экономического коллапса, произошедшее на рубеже 1990-х годов, положило начало кризисному этапу развития города. Современный портрет пермского городского сообщества реконструирован с опорой на социологические исследования и антропологические наблюдения. Их выполнял исследовательский коллектив кафедры культурологии ПГТУ на протяжении последних 15 лет.

Ключевые слова: социальный ландшафт Перми – прежней и современной, кризис основ городской жизни, общественное мнение, социальное пространство, социальная эволюция, городское сообщество, новые горожане

Himera vulgaris¹, или Немного истории

Уникальность Перми заключается в ее совершеннейшей типичности. Читателю достаточно вообразить крупный промышленный город-миллионник, расположенный где-то в Центре России на берегу одной из ее великих рек, и он представит Пермь. Облик Перми несет на себе неизгладимую печать минувшего столетия.

¹ Химера обыкновенная (лат.)

В виде некоего административно-территориального целого современная Пермь окончательно сложилась в 1938 г. в результате механического соединения двух разнородных частей – рабочего поселка *Мотовилиха*, тогда город *Молотово*, и остатков бывшего губернского города – собственно *Перми*. Именно в этом виде населенный пункт (получивший в 1940 г. «по просьбам трудящихся» название *Молотов*) и стал центром самостоятельной области, выделенной из состава Свердловской.

Подобное соединение показалось бы не более органичным, чем приставление человеческого торса к лошадиному крупу, если учесть то обстоятельство, что до 1917 г. Мотовилиха и Пермь принадлежали к различным социальным мирам.

Возникшее вокруг казенного завода рабочее поселение, часть жителей которого еще в середине XIX в. находились в «крепостном состоянии», в начале XX в. сохраняло типичный уклад жизни уральского горнозаводского поселка: рубленые избы (иногда на каменном фундаменте) с надворными постройками, банями и огородами; казенные винные лавки; неперемный пруд в центре. Небогатый, тихий, почти деревенский быт.

Пермь была создана как центр одноименного наместничества (а впоследствии – губернии) в 1880-х годах на месте существовавшего ранее и к моменту ее основания пришедшему в запустение Егошихинского медеплавильного завода. Глубоко символично назначение первых построек, заложенных в 1780 г.: дом наместника, губернатора, вице-губернатора, присутственные места и гауптвахта.

С самого начала облик исторической Перми определился как чиновничье-купеческий. Служилого люда было много: он населял губернское правление, разнообразные судебные инстанции (впоследствии, после реформы, – окружной суд), губернскую земскую управу, городскую думу, управление епархией, школы и гимназии, отделения горнозаводской и транссибирской железных дорог. Горожане служили в нотариате и полиции, на почте и в пересыльной тюрьме и т. д. Удобное расположение на берегу судоходной реки Камы и в точке пересечения нескольких проезжих трактов способствовало развитию торговли и формированию купеческого сословия.

На протяжении всего XIX в. город понемногу разрастался, сохраняя отпечаток глубокой провинциальности. По словам пермского историка и бытописателя В.С. Верховланцева [*Верховланцев* 2002, с. 172–173], улицы были не мощены вплоть до 1880-х годов, и в период осенних дождей обыватели тонули в грязи, а в летнюю жару по городу столбом стояла пыль. На поросших травой городских площадях пощипывали траву водившиеся в изобилии козы. Абсолютно преобладала одно- и двухэтажная застройка. Рядом с каждым домом располагался садик. По ночам город вымирал, поскольку всякий домовладелец спускал с цепи собаку. Жизнь горожан проходила «на виду», под пристальным взглядом соседей, а любое отклонение от принятого образа жизни вызывало бесконечные сплетни и пересуды.

Однако в пореформенное время классический быт «сонного царства» стал потихоньку меняться. Общий процесс модернизации России не мог не затронуть Пермь. Сформировались и приступили к работе институты общественного самоуправления – земство и реформированная дума, занявшаяся городским благоустройством: в 1907 г. был проложен централизованный водопровод, в 1915 г. началось строительство канализации. Заметно вырос образовательный ценз чинов-

ников. Анализ формулярных списков служащих судебного ведомства, например, показывает, что наличие университетского образования становится среди них нормой. Пермское купечество охотно направляло своих детей обучаться в близлежащий Казанский или даже в Петербургский университеты.

Одним из высших достижений пермской дореволюционной общественности стало открытие в октябре 1916 г. собственного университета. И если в целом уклад жизни губернского центра не пережил социальной катастрофы 1917–1921 гг., университет оказался своеобразной эстафетной палочкой, которую старая Пермь передала новой².

«Товарищи, ну почему вы так не любите свой город?»

Тот специфический социальный ландшафт, в котором проживают сейчас пермяки, сложился в годы советской власти, и в этом смысле город является законченным продуктом «социалистического урбанизма». В этом процессе можно, пусть и весьма приблизительно, выделить два этапа, охватывающих по три десятилетия: первый – с 1930-х по 1950-е годы – период формирования «города барачков и индустриальных гигантов»; и второй – с 1960-х по 1980-е годы – преобразование сложившегося городского пространства в «город индустриальных гигантов, отдельных квартир и мичуринских участков».

В 1923 г., в начале восстановительного периода, в Перми проживало около 70 тыс. человек. Для сравнения: в 1960 г. примерно столько же жителей насчитывалось в одном из шести городских районов – Ленинском (далеко не самом крупном). За годы Гражданской войны городское хозяйство пришло в совершеннейший упадок. Перестала работать канализация, и с 1918 г. город практически не очищался. Муниципальный ассенизационный обоз о 47 подводах с работой не справлялся.

В ветхость и негодность приходил жилищный фонд, столовые, гостиницы, бани и школы. Отчет 1920 г. о результатах обследования больницы, расположенной в одном из красивейших особняков старого города – доме Грибушина, слабонервным читать вовсе не рекомендуется: *«Весь пол покрыт толстым слоем грязи... В передней прихожей стоит лужа мочи, а в углах масса каловых испражнений. Никаких предметов по уходу за больными не оказалось, вообще данное помещение совершенно не приспособлено для помещения больных, даже нет простых нар, чтобы спасти больных от той липкой грязи, которой покрыт весь пол, кроме того, нет ни одной плевательницы, почему пол покрыт гнойными плевками, а местами – рвотными массами»*. В этой больнице, заметим, находилось на излечении 400 красноармейцев [Стяжкова 2008, с. 90].

Углы и стены деревянных домов из-за подтекания воды промерзали и покрывались грибком – обыватели растащили водосточные трубы на дымоходы для печей-буржук. Белые в 1919 г., оставляя город, стремились вывезти все, что имело хоть какую-то ценность. Из-за вопиющей антисанитарии в Перми свирепствовали эпидемии – в 1922 г. только тифом, например, заболели 19,5 тыс. человек.

² То, что в восприятии современного россиянина город обладает неким гуманитарным шармом, следует объяснить именно этим, а не непрерывной генеалогической линией от мифической «ссылочной интеллигенции» – Пермь никогда не была местом ссылки.

Но главное – оказалась утраченной та «несущая конструкция», которая поддерживала городское сообщество дореволюционной Перми. Прежде всего город утратил статус губернской столицы и стал одним из райцентров сначала Уральской, а затем Свердловской области. На смену второй опоре городской жизни – коммерции – пришла распределительная система, просуществовавшая фактически с момента введения хлебной монополии в 1917 г. до полной отмены на Урале карточек на все промышленные товары с января 1936 года. Агентами этой распределительной системы являлись советы разных уровней, система кооперации и, чем далее, тем более, – строящиеся или модернизируемые промышленные предприятия. В ситуации, когда из бывшего губернского центра, казалось, «выпустили воздух», они смогли вдохнуть в него новую жизнь. Но это была совсем другая жизнь.

В 1924 г. на окраине Перми на базе авторемонтных мастерских бывшего завода Лесснера создается завод «Уралсепаратор», впоследствии – завод имени Дзержинского. В годы первых пятилеток реконструируется Мотовилихинский завод, за городской чертой строится завод № 19 (имени Сталина) и десятки других предприятий. Если к концу восстановительного периода в Перми и Мотовилихе вместе был всего один крупный завод и около 120 тыс. жителей, то в городе Молотове в 1941 г. предприятий союзного и республиканского значения насчитывалось 47, а в годы войны в нем разместят еще 27 эвакуированных предприятий. В 1943 г. городское население превысит полмиллиона человек.

Этот процесс, подобный взрыву, невольно хочется назвать ростом, но вот только *ростом чего?* Историческая Пермь и старая Мотовилиха не могли ни порознь, ни вместе его обеспечить в силу ограниченности возможностей городской инфраструктуры, размеров жилищного фонда, количества жителей, наконец. Поэтому возводимые в годы первых пятилеток и эвакуируемые в годы войны индустриальные гиганты немедленно обрастали поселками ведомственного жилья, состоявшего из бараков, иногда скромно именуемых рабочими общежитиями. Рабочая сила, т. е. обитатели бараков, рекрутировалась преимущественно из сельских жителей – обитателей ближайших или даже весьма отдаленных деревень.

Завод был абсолютным средоточием всей жизни подобного поселка, источником любых материальных (да что там – просто любых) благ, которые распределялись строго иерархически, ранжированно. Так, завод им. Сталина (нынешнее ОАО «Пермские моторы») возводил жилье двух категорий: домики с водопроводом и канализацией – для руководства и технического персонала, и бараки без удобств – для рабочих. Только в поселке имени Леваневского у завода было 36 бараков, из которых 31 предоставляли семейным, в трех разместили молодых (14–18 лет, после ФЗУ) рабочих, один был предназначен для одиноких мужчин, другой – для одиноких женщин и, наконец, один был заселен слепыми. Столовые завода, являвшиеся для подавляющего большинства работающих фактически единственным источником регулярного питания, делились на четыре категории. Категория А обслуживала дирекцию и высший состав, Б – старший и средний состав (в том числе красногвардейцев, красных партизан, ударников), В – младший технический персонал, Г – всех прочих. Категории А, Б, В были прикреплены к разным магазинам (№ 8, № 3, № 2).

Для того чтобы сходство этих замкнутых мирков с феодальными доменами стало еще ощутимее, добавим, что каждое предприятие подчинялось тому или

иному ведомству, например Народному комиссариату боеприпасов, авиационной, химической промышленности и т. д. Устроиться на работу (или уволиться) можно было, только пройдя проверку в заводском Отделе найма и увольнений (ОНУ), являющемся филиалом НКВД.

Итогом стало то, что растянувшаяся вдоль берега Камы на 45 км колоссальная агломерация заводских поселков, именуемая «город Молотов», полностью поглотила и переварила остатки дореволюционных поселений. В 1930–1950-е годы действительно именно завод и барак определяли облик города, который, к слову, был весьма непригляден. Скудность населения превышала любые мыслимые пределы. На пике эвакуации в годы Великой Отечественной количество квадратных метров, приходящихся на одного человека, сократилось до 2,7. В 1947 г. документы горкома ВКП(б) зафиксировали казус: «...семья военнослужащего Коротаяева проживает по улице Ленина, 33, кв. 4. в комнате 4 кв. метра, сделанной из уборной» [ПермГАНИ, л. 6]. Улицы Молотова утопали в грязи, при общей площади 9 489 000 кв. м замощено было 1 162 000, или 12%. Сообщения между «городскими районами» практически не было, вплоть до 1953 г. функционировали всего шесть трамвайных и четыре автобусных маршрута. Не хватало бань, парикмахерских, школ, детских садов и яслей. Наспех построенные бараки каркасно-засыпного типа быстро ветшали, и уже в 1950-х годах часть из них пришла в полную негодность.

Для правильной оценки населенного пункта Молотов, номинально являвшегося *городом*, нам нужно, по крайней мере, определить: что под таковым следует понимать социологу. Мы будем исходить из того, что город – это, разумеется, не территория, заключенная внутри его административной границы, не дома и не заводы. То есть и это, конечно, город, но главное все-таки – это люди, которые в своих повседневных практических, вполне рутинных действиях совместно осваивают определенное социальное пространство. Пространство это сложно и дифференцировано, насыщено многочисленными социальными институтами: индустриальными, властными, образовательными, научными. Его организация накладывает отпечаток на поведение горожан, более того, формирует их стиль жизни. При всем разнообразии наполняющих городское пространство институтов, все они тяготеют к двум полюсам, между которыми проходит четкая разделительная линия. По строгой формуле Г.П. Бардта, «город – это поселение, в котором повсюду, в том числе и в повседневной жизни, проявляется тенденция к поляризации между публичным и приватным» [Bahrtdt 1961, с. 38].

С этих позиций Молотов 1930–1950-х годов едва ли являлся городом в подлинном смысле этого слова. Замкнутые «заводоцентрические» мирки рабочих поселков образовывали суммативное, а не системное целое, единое социальное пространство не сложилось. Сфера приватного, к которой в классическом европейском или североамериканском городе помимо интимно-семейного быта относилась и область оборота труда и капитала, в условиях социалистической индустриализации была полностью поглощена сферой публичной, т. е. являлась прямым продолжением властных отношений.

Повседневная жизнь обитателя рабочего поселка этой эпохи, протекавшая между заводским цехом, заводской столовой, магазином (к которому он был прикреплен) и скудным, неустроенным, грязным заводским (опять же) баракком, меньше всего напоминает жизнь горожанина. Особую диковатость этой специфиче-

ской повседневности придавала «высокая пропускная способность» советского ГУЛАГа. Ведь только за 10 послевоенных лет народными судами первой инстанции были приговорены к лишению свободы более 7 млн человек, из них не менее половины в эти же годы вернулись на свободу. Едва ли нужно объяснять, где они оказались после освобождения.

Оценивая потенциальную способность рабочих поселков Молотова быть «плавильным котлом», преобразующим 300 тыс. вчерашних деревенских жителей в горожан современного индустриального центра, приходится признать, что они успешно выполняли только негативную функцию. Пространство барака делало ненужным и устраняло практические навыки сельского быта, ломало и корежило свойственную ему иерархию ценностей, предлагая взамен лишь компенсаторную мифологию «светлого пути» – в ударники, орденосцы, в депутаты Верховного Совета, в светлые и просторные благоустроенные дома, в мир счастья, чистоты, здоровья и изобилия.

Стать горожанами в подлинном смысле этого слова пермякам (с 1957 г. Молотов стал снова называться Пермью) предоставила шанс хрущевская «жилищная революция», т. е. массовое индустриальное строительство экономичных, но благоустроенных и отдельных квартир. Причины и ход этого фундаментального преобразования городской повседневности заслуживают отдельного исследования, мы же лишь резюмируем некоторые его итоги.

Если еще в 1954 г. в Перми вводилось около 90 тыс. кв. м жилья, то в 1958 г. площадь вводимого жилья возросла более чем втрое, до 286 400 кв. м, и в дальнейшем колебалась где-то на этой отметке. Это позволило сотням тысяч пермских семей обрести, наконец, системообразующий для социального пространства современного города очаг приватной автономии. На месте барачных поселков выросли массивы «хрущевок», повторяющие, впрочем, их очертания и сохраняющие ведомственный характер [Казанков 2007, с. 198].

После отмены системы обязательных государственных займов начинает формироваться автономная семейная бюджетная политика и вполне современные рациональные потребительские практики. Завод более не был *источником жизни*, он стал всего лишь источником денег. Де-факто началось формирование общества потребления.

Возникновение сферы интимно-семейной автономии превратило нерабочее время в досуг, которым учились распоряжаться и который начинали ценить. Сборник «Домашнее хозяйство», изданный тиражом 100 000 экземпляров Пермским книжным издательством в 1961 г., чуть ли не как откровение возвестил: «Статистики подсчитали, что если человек прожил 70 лет, то он 23 года спал, 6 лет потратил на еду, полтора года умывался и т. д. Больше половины своей жизни человек проводит дома».

Из пространства отдельной квартиры горожане 1960–1980-х годов уже могли критически оценивать пространство публичное, властное, зависимость от которого становилась все более опосредованной. Родившиеся в 1960-х и последующих годах пермяки, выросшие в «хрущевках» и «брежневках», получившие приличное образование и усвоившие вполне «западную» систему потребностей, могли бы стать тем самым «непоротым поколением» – первым поколением настоящих горожан. Главным препятствием для этого в Перми (как и в любом другом совет-

ском городе) являлась жесткая, с трудом поддающаяся реформированию связь государственной экономики и технологий отправления публичной власти, природу и сущность которой, как представляется, нет нужды пояснять читателю. Однако обвальное крушение политических структур на фоне экономического коллапса, произошедшее на рубеже 1990-х годов, разом изменило ситуацию.

Второй раз в своей истории Пермь пережила общий кризис основ городской жизни. Но социальный вакуум так же невозможен, как пустота в аристотелевской физике. И в отсутствии какого-либо нового основания дальнейшего развития (некоего аналога социалистической индустриализации) социальное пространство города стало заполняться тем, что уже имелось в наличии. Рассмотрению этого своеобразного феномена и посвящен следующий раздел.

Современная Пермь в социальном измерении

Современная Пермь по-прежнему выглядит большим индустриальным городом с миллионом жителей и территорией в восемь сотен квадратных километров. И в то же время промышленный облик города подвергается существенным переделкам. Ряд предприятий закрылись, некоторые перепрофилировались, но даже те гиганты советской индустрии, что продолжают работать, по сравнению с советской эпохой существенно сократили рабочие места. Соответственно на городскую экономику все большее влияние оказывают непромышленные производства и фирмы.

Если смотреть пристально, то перемен в городской экосистеме можно обнаружить множество, и они касаются не только сферы занятости горожан. В глаза бросаются следы внешнего преобразования города: блестящие бизнес-центры, здания громадных магазинных комплексов, запруженные машинами улицы, рекламные плакаты на перекрестках... Изменение облика города отражает глубинные процессы перестройки городской общности, структуры социальных групп, определяющих ценности и нормы урбанистического стиля жизни.

Предлагаемый портрет современного пермского сообщества конструируется с опорой на социологические исследования и антропологические наблюдения, выполнявшиеся исследовательским коллективом кафедры культурологии ПГТУ на протяжении последних пятнадцати лет. Это позволяет вполне уверенно очертить характер социальных изменений, хотя представленные заметки лишены солидных таблиц, многозначных цифр и процентов. Основным нашим методом изучения социальных процессов в городской среде стали глубинные фокусированные интервью. В продолжительных и неспешных беседах наши информанты высказывали собственные суждения на тему политики, экономики, социальных перемен и, кроме того, позволяли взглянуть на происходящее на языке собственной повседневности, иногда облакая эмоциональные оценки в неуклюжие формы обыденной городской речи³.

³ В тексте будут приведены некоторые высказывания наших информантов, относящиеся к исследованиям последних лет. Исследование «Актуальные проблемы жизни городских сообществ» проводилось в 2007–2008 гг. исследовательской группой кафедры культурологии ПГТУ (научный руководитель проф. О.Л. Лейбович). Метод: глубинное фокусированное интервью. Массив данных состоит из 43 интервью. Беседы были организованы с представителями городских сообществ: научными работниками, медицинскими работниками высшей квалификации, технической интеллигенцией, работниками сферы культуры, организаторами масс-медиа и предпри-

Первой жертвой крушения производственного уклада социалистического города стали рабочие. Они оказались совершенно неподготовленными к новой социальной организации труда, возрождающей, казалось бы, давно преодолённые практики: полную незащищённость перед хозяйским произволом; задержки с выплатой заработной платы, её натурализацию и пр. Социальный изоляционизм и мифологизация городского мира – вот ответ рабочего класса на свое бесправное положение. В рабочих кварталах гипертрофированно представлены символические образы новых хозяев жизни – владельца завода или топ-менеджера предприятия, который осознаётся в виде главного, если не единственного «создателя» всех материальных и духовных благ. Предприниматель изображается исполином, благодаря которому функционирует и развивается производство. Этот образ успешно поддерживается новыми владельцами предприятий, предпочитающими патерналистские методы управления коллективом [см.: Шушкова 2005].

Установившийся статус-кво лишен классовой коррозии, так как советский пролетариат, столкнувшись с буржуазностью в ее самых откровенных формах внеэкономической и репрессивной эксплуатации людей труда, не обнаружил у себя «классового чувства». Его заменило приватно высказываемое недовольство и социальная зависть к тем, кто воспользовался открывшимися экономическими возможностями. В современной России нет рабочего движения, обладающего политической силой. В социальных конфликтах рабочие представляют собой ничтожную величину. Прежде всего по этой причине многочисленный пермский пролетариат превращается в социальную невидимку и не оказывает влияния на городскую жизнь.

В сутолоке реформ незаметно и без шума поменялась роль вузов в жизни города. В позднем советском обществе только диплом о высшем образовании гарантировал людям возможность участия в конкурсе на достойную социальную позицию. Вуз представлял собой социальный лифт, обеспечивающий подъем к дефицитным имущественным и иным общественным благам. Весь остальной инвентарь социальной карьеры (в первую очередь социальные связи, готовность к общественной активности в установленных формах) был дополнительным.

Современная система высшего образования выполняет иные функции. Прimitивный экономизм нового общества поставил под сомнение способности вузов массово выпускать специалистов, необходимых сложному производственному организму. В пространстве буржуазных отношений вузы исполняют роль одного из звеньев в инфраструктуре процесса капиталистического воспроизводства, наряду со школами, медицинскими учреждениями, досуговыми центрами, средствами коммуникации, органами защиты правопорядка. На языке экономической науки социальную инфраструктуру можно описать как совокупность общественных средств потребления, обеспечивающих особыми способами обращение капитала. Особенность ее заключается в том, что функционирование и

нимателями. Исследовательский проект «Мир офисной жизни: институциональное устройство» (2005–2009 гг.) (научный руководитель доцент А.Н. Кабацков) объединил в себе несколько исследовательских работ, организованных вокруг общей темы. Это этнографическое описание офисной жизни по теме: «Ритуалы на рабочем месте» (2005–2007); группа интервью на тему «Офисное пространство: границы и символы» (2007); группа интервью на тему «Офисный актер и практики деятельности» (2008). Информанты привлекались как из руководства, так и из рядового состава сотрудников пермских фирм.

развитие инфраструктуры чужды принципам рыночной экономики. Во всяком случае, экономический эффект от инвестиций в образование возникает в иных хозяйственных единицах – и спустя продолжительное время. С точки зрения отдельного предпринимателя, денежные вложения в образование – это только издержки производства, в лучшем случае замороженный капитал. На этапе первоначального накопления, в большей степени, чем в иных, более зрелых стадиях капиталистического общества, предприниматели делают ставку на «короткие» деньги. «Капитал, – вспомним К. Маркса, – предпринимает только выгодные – с его точки зрения – операции». Создание и поддержание «...всеобщих условий производства... в качестве национальных потребностей взваливается на всю страну» [Маркс Т. 46. Ч. 2., с. 23]. Говоря иначе – на государство, то есть на публичные властные институты, которые, в свою очередь, подвержены тем же социальным воздействиям, что и другие учреждения, оставшиеся от советской эпохи. Они осваивают специфически предпринимательский стиль отношений. Все без исключения: музей, театр, библиотека, школа, даже административная единица – должно приносить прибыль. Если нет, то оно подлежит умерщвлению, или (на современном бюрократическом жаргоне) – оптимизации. Чиновники смотрят на социальную действительность глазами предпринимателей: через графу экономической отчетности – прибыли и рентабельности. С такой точки зрения вузы предстают балластом в экономической системе, дорогостоящим наследством социализма. И лучшим вариантом было бы коммерциализировать университеты и институты, перевести их на самоокупаемость и в конце концов снять с государственного довольствия, может быть, сохранив для государственного престижа несколько знаменитых университетов. Сквозь все хитросплетения и зигзаги образовательной политики в последнее десятилетие ведущей просматривается именно эта тенденция. Для вузов она оборачивается минимальным финансированием. Для вузовских работников – переходом в социальный статус новых бедных и закреплением в нем.

Вместе с девальвацией статуса вуза в городской жизни утрачивает престижность позиций пермская интеллигенция. Как и все остальное, интеллигентность трансформировалась в товар, на который нет спроса со стороны новых «хозяев» города. И бывший советский интеллигент пополняет армию аутсайдеров, не участвующих в практиках городского переустройства, но зато сохраняет свой критический настрой. Объектом критики становятся власти, общество, городская жизнь... Брюзжание и недовольство интеллигента встречают поддержку у сообщества горожан, которые вместе с ним составляли советский средний класс в городе: инженеров, работников системы образования и здравоохранения. Консервативных горожан объединяет стремление огородить свои мирки от перемен, сберечь прежние символические статусы или хотя бы сохранить видимость сохранения престижности социальных позиций в городской жизни.

Резонерство советского интеллигента слышно в интонациях и оценках состояния городской среды у его приемника, маскирующегося под рядового горожанина: «С точки зрения обывателя, я же еще и обыватель, я хожу по улице... Пермь – не культурная столица Поволжья. Ни дороги, ни детские сады, ничто не улучшилось... [Интервью У_2]. Представители сообщества советского среднего класса убеждены, что решение городских вопросов без их участия – пустое дело:

«У нас не удастся пока создавать городскую среду со всеми ее компонентами. Даже в самом центре, даже там, где обитает городская администрация» [Интервью М_5]. Пермский интеллигент, вглядываясь в окружающие его городские просторы, скептически сравнивает их с образом соседа, города Екатеринбурга: «...гигиенические стандарты в городе. Они очень невысокие для города, претендующего на какой-то статус и имеющего соревновательные амбиции с Екатеринбургом. Недопустимо низкие, и в самом центре города. Я думаю, здесь просто не хватает менеджерских решений. Ну подметать элементарно, хотя бы в пределах центральных районов, совершенно возможно» [Интервью У_5].

Интеллигенту вторит инженер: «Конечно, хорошо строятся дороги, наверное, это хорошо. Но мне непонятно, почему у нас центр с каждым годом становится все хуже и хуже. Почему реконструируются улицы, сносятся старые дома, а потом на месте этих домов строятся новые, которые нависают над проезжей частью. Что нравится? Ну город светлее стал в последнее время. Светлее в том плане, что лампочки есть. И внутриквартальное освещение, и городское. Не нравится обилие рекламы, из-за которой города не видно. Это просто жутко, то количество рекламы, которое есть» [Интервью И_6].

Городской патриотизм пробуждается при сравнении с зарубежными городами. Здесь Пермь воображается великим и могучим мегаполисом, чуть ли не государством, достойным соотноситься с высшей экономической планкой для советских времен – Москвой: «... у нас очень остро стоит жилищный вопрос, жилье в Перми дороже или вровень со столичным идет. Мы превышаем по стоимости жилье в каких-нибудь уютных европейских странах типа Чехии» [Интервью У_7]. Только интерпретировать такое сравнение в пользу пермской жизни будет крайне затруднительно.

К интеллигенции по привычке прислушиваются журналисты. Растиражированные средствами массовой информации образы нестроенного, погрузившегося в грязь и антисанитарию, криминального и опасного для жизни постсоветского города контрастируют с индивидуальными достижениями людей в карьере, в потреблении, в обустройстве своего жилища. Так, в современной Перми заостряется оппозиция приватного и публичного пространства городской жизни. Более того, приватный мир, перестроенный горожанином посредством пластиковых окон, железных дверей и импортных холодильников, воображаемо изымается из городского пространства. Жизнь в мегаполисе начинает мыслиться в категориях внутренней чужеродности интересам человека: «Пермь – это на данный момент настолько безликий город, а люди здесь все лучше и лучше начинают жить, у них появляются машины, дома они себе строят, квартиры покупают, но здесь все живут как будто временно. Город непонятно про что. Он не устроен так, чтоб здесь хотелось жить. Он устроен так, что здесь может хотеться работать, например. Сам город не имеет такой привлекательности, замечу: не люди, а город. Здесь очень мало парков, здесь очень мало мест для людей. Пермь – город не для людей. Нужно понять, что Пермь хочет, что хотят пермяки... Город для себя, город для туристов... или закрытый город такой. У меня сейчас складывается лишь одно впечатление, что Пермь – это поставщик кадров для Москвы и Питера. Если мы себя видим в таком виде, как инкубатор, то давайте оставим все на своих местах. Будем строить такие сооружения, как Колизей и все тому

подобные здания одного типа, и будем жить и отправлять людей в Москву»⁴ [Интервью К_1].

Все же город Пермь меняется.

В основе этих перемен – приобщение жителей к буржуазным стандартам городской жизни. Они вошли в их дом в виде кабельного (спутникового) телевидения, множества каналов различной тематики: от политики и экономики до спорта и путешествий. Этот новый мир у многих занимает устойчивые плацдармы посредством импортных телевизоров, стиральных машин, микроволновых печей и прочей современной бытовой техники и хозяйственных приспособлений. Новое потребление стало для пермского обывателя самым важным достижением постсоветских реформ. Потребление изменило приватную жизнь горожан и создало экономические основания для перемен в городском облике.

Строятся новые сооружения, ремонтируются по новым стандартам советские постройки, происходит перепланировка улиц, достраиваются районы. Изменения эти резко оппонируют советскому наследию. Происходит переопределение городской топологии на языке новой экономической культуры в ее денежном выражении.

Эталонный центр заполняется символами роскоши и достатка: гипермаркетами и казино, сверкающими рекламой бутиками и увитыми сверкающими гирляндами деревьями, громадными телеэкранами на улицах и довольными молодыми лицами на рекламных плакатах. На фоне этой презентации успеха и счастья окраинные районы приобретают вид откровенно заброшенных и депрессивных территорий. Магазины ютятся в помещениях бывших советских продмагов, занимают небольшие площади в домах быта или заводоуправлении обанкротившегося завода. Редко встретится какая-нибудь новостройка. Веселая и яркая реклама теряется в серости неосвещенных улиц и обшарпанных стен зданий. Заводские окраины кажутся опустевшими, в них жизнь замирает. Места традиционного досугового времяпровождения обозначают облезлые афиши и таблички: «Парк закрыт»...

Архитектурная перестройка Перми меньше всего напоминает процесс передела городской территории под стандарты буржуазного делового города. Американские социологи, в 1920–1930-х годах прошлого столетия проведя обследование города Чикаго, описали территориальную модель индустриального мегаполиса. Такой город обладал двумя центрами. На территории административного анклава были сосредоточены муниципальные и федеральные службы и учреждения. Деловые кварталы заполнялись банками, офисами фирм и были средоточием бизнес-деятельности города. Вокруг этих территорий возникал узкий пояс «выжженной земли», на площадках которого невыгодно было строить жилища из-за возможной

⁴ Исследование «Актуальные проблемы жизни городских сообществ» проводилось в 2007–2008 гг. исследовательской группой кафедры культурологии ПГТУ (научный руководитель профессор О.Л. Лейбович). Информантам предлагалось побеседовать на тему их карьеры, профессии, социальных коммуникаций с другими людьми, а также оценить городскую жизнь и местную власть. Главной целью интервью было прояснение позиций и суждений собеседника в терминах и категориях, которыми он, как представитель определенного городского сообщества, описывает реальность. Информанты продемонстрировали широкий спектр оценок и суждений. В области, затрагивающей их карьеру, они в подавляющем большинстве демонстрировали признаки своей солидарности с реальной профессиональной группой. А в рассуждениях на тему городской жизни профессиональные и другие социальные идентичности отходили на второй план, уступая место горожанину, который без посредников и каких-либо компенсаций сталкивается с неурядицами и проблемами городского существования.

инвестиционной переориентации территории, если деловые или административные кварталы будут расширяться, но для бизнес-застройки территории еще не годились из-за низкого спроса на эту землю со стороны соответствующих сообществ. И уже за этим поясом выстраивались жилищные районы, где цене проживания соответствовал уровень комфорта и социального престижа.

Перми далеко до «образа-модели» Чикаго, как и до стандартов жизни современных мегаполисов. Элитные районы и депрессивные окраины обозначают контрапункты социальных изменений городского мира. В реальности все сложнее. Из элитарного центра социалистический город никуда не исчез. Он соседствует с новообразованиями в городском пейзаже. Роскошный дом для бизнесменов пристраивается к «хрущевке». Бизнес-центр вырастает посреди квартала двухэтажных бараков. Здание нового магазина вытесняет мини-рынок. Пестрота и смешение стилей определяют архитектурный облик центральной Перми.

Две системы координат заставляют горожан постоянно самоопределяться в меняющемся пространстве. Посещая новые магазины, устраиваясь на работу в частную фирму, оформляя кредит на машину, каждый житель Перми вовлекается в процесс идентификации с городом денег и престижного потребления, так же как, обставляя квартиру импортной бытовой техникой или делая евроремонт, он символически «переделывал» «хрущевку» в плацдарм буржуазности.

Двойственность социальной среды наиболее ярко проявляется в удалении от центра. Микрорайон Гайва пространственно расположен на окраине города. От основного городского пространства он отделен речкой Камой и крупным лесным массивом. Поездка в центр на автобусе занимает около часа времени, включая издержки на ожидание транспорта. В советское время это было непреодолимым препятствием для трудоустройства за пределами района. И можно сказать, что подавляющее большинство людей из десятка тысяч семей гайвинцев были связаны с местным кабельным заводом. В настоящее время завод продолжает работать и считается одним из крупных производств кабельной продукции в стране. Но лишь до трети семей могут считаться экономически зависимыми от завода. Остальные трудоустраиваются в новых сегментах городской экономики. Найдя работу за пределами района (как выражаются местные жители, «в городе»), эти люди стремятся подчеркнуть свое «освобождение» от районной культуры новым потреблением. Они стремятся организовать весь комплекс своих потребительских практик в центре, за пределами традиционных районных магазинов, предпочитая совершать закупки продуктов и повседневных хозяйственных товаров в магазинах с «престижной» пропиской в городской культуре.

В авангарде буржуазной перестройки города выступает предпринимательское сообщество. Они первыми осваивают новые пространства как арендаторы, как потребители, как покупатели. Под них пытаются подстроиться застройщики и владельцы магазинов. Но сложность состоит в том, что предпринимательское сообщество – самое разрозненное и индивидуализированное среди городских групп. Для коммуникации с другими городскими сообществами предприниматели вынуждены прибегать к культурным инсценировкам, что у пермских бизнесменов пока плохо получается.

В начале текущего десятилетия инициативная группа пермских предпринимателей попыталась культурно «породниться» с родом Строгановых. В центре

города располагался популярный магазин «Стометровка». Ассортимент представленных в нем товаров был разнообразен: от швейцарских ножей до китайской обуви. В 1990-х годах он воплощал в себе привычный тип магазина с меняющимся и неопределенным ассортиментом. Престижность покупки в магазине была предопределена его расположением на центральной городской улице. Образное название «стometersка» постепенно становилось одним из топонимов городского центра и было узнаваемо публикой с разным социальным статусом и экономическим достатком. Владелец решил перестроить магазин и поменять его имидж. Пермские горожане давно уже проранжированы предпринимателями по экономической шкале. Симпатичными видятся группы с высокими доходами, а остальные оцениваются в качестве социальных неудачников. Трансформация магазина происходила в рамках этой модели и потому желаемый покупатель напоминал самого владельца и его друзей. Главным символом, призванным обозначить статусного и экономически успешного покупателя, должно было стать престижное название магазина – «Строгановский».

Можно предположить, что такое название было выбрано в силу созвучия с Клубом для пермской элиты – «Строгановский». И магазин, и клуб не оказали значимого символического воздействия на пермскую предпринимательскую группу. Фамилия Строгановых пермякам неизвестна, да и откуда им знать про дореволюционную династию владельцев пермских солеварен, если основные предприятия Строгановых были расположены далеко от Перми, жили Строгановы в столице и к истории административного пермского городка в XVIII–XIX вв. никакого отношения не имели.

Клуб «Строгановский» не смог стать местом для коммуникаций предпринимателей, политиков и других городских сообществ, так как был корпоративным проектом, преследующим вполне определенные цели. А магазин потерялся в массе других претенциозно названных торговых точек.

Еще одну попытку создать положительный публичный образ пермского предпринимателя сделала интеллигенция, власти и журналисты. Образцом была выбрана фигура мецената. Вспомнили об эпохе XIX в. и местном купце Мешкове. Из здания, купленного купцом и перестроенного в 1887–1889 гг., попытались сделать символ пермского меценатства. Но бывший доходный дом слабо напоминал символ благотворительности. А идентификация себя с дореволюционными купцами для пермских предпринимателей непонятна; и расставаться с денежными средствами за символическое приобщение к туманно очерченному культурному образцу они не были готовы.

Отношение предпринимательского сообщества к городу хорошо иллюстрирует ситуация с общественным транспортом. В 2006 г. администрация Перми решала задачу по освобождению центра города от транспортных пробок. Представитель одной из групп предпринимателей, находившийся на административной должности в муниципалитете, предложил свой вариант решения вопроса транспортной перегрузки центра города: по центральным улицам разрешить движение только для личного транспорта. Не получилось. В декабре 2008 г. депутаты городской думы вернулись к старой идее: разработать такую сеть общественного транспорта, чтобы по возможности полностью очистить центр от автобусов – все пробки из-за них.

Отсутствие собственных традиций, неприятие культурного наследия социализма и в то же время грубый и примитивный экономизм внутригрупповой культуры пермских предпринимателей препятствуют их интеграции в общегородское сообщество. Горожане со стажем отказываются признать их социальные достижения и буржуазные презентации. Отказаться от таких практик для предпринимателя означает отказаться от своей групповой идентичности и потерять мотивации к бизнес-деятельности.

Социальная роль пермских предпринимателей в городской жизни ограничена их символической презентацией власти денежной культуры. Это примитивная экономическая буржуазность эпохи первоначального накопления капитала. Именно ей подражают представители многочисленной армии работников фирм и небольших городских предприятий, мечтающие стать боссами и шефами новой жизни. Работа в офисе частной фирмы воспринимается молодым поколением горожан в качестве главного социального лифта, который может вознести на вершины карьеры и помочь быстро занять престижные статусные позиции в городской среде. Выпускники инженерных специальностей пермского технического университета стремятся искать работу вне промышленных производств. Они предпочитают офисное трудоустройство, даже проигрывая в экономических параметрах по оплате труда. Для них, как и для многих молодых людей, включающихся в социальную жизнь биполярного города, трудоустройство в рыночных секторах городской экономики – это путь в сообщество новых горожан: офис-менеджеров, своеобразной культурной свиты пермских предпринимателей.

Современные работники офисов только по отдельным признакам похожи на кабинетных тружеников заводоуправлений бывших промышленных гигантов или персонал научно-исследовательских институтов. От представителей советского среднего класса они отделены и возрастными параметрами, и иным типом образования. В городской средний класс в советское время можно было получить пропуск через достижение вполне четких и ясных квалификационных номинаций и вузовское образование. Дипломы институтов и университетов может предъявить практически любой офис-менеджер, но вот обозначить свои квалификационные и профессиональные характеристики ему будет затруднительно.

Приведем выдержки из интервью с информантом, занятым продажей компьютеров. Это его основная сфера деятельности уже более десяти лет. Он не наемный работник, но организация его трудовой деятельности представляет собой типичный стиль офисного труда. Данные им откровенные характеристики о принципах и характере организации повседневной работы очень близки общей модели офисной деятельности:

«Вопрос: В чем сейчас состоят ваши повседневные обязанности?»

Ответ: Включить компьютер, самая обычная обязанность. Продавать компьютеры. Других обязанностей нет.

В.: Если можно, расскажите подробнее.

О.: Непрерывно идут контакты с банком, с заказчиками, кто заплатил, кто не заплатил, когда придут деньги, когда заплачено. Налоги все, в том числе зарплатные, НДС, много всего. Посещение Пенсионного фонда, налоговой, фонда социального страхования. Так что это... раз в день хотя бы с кем-нибудь из налоговых органов. С заказчиками каждый день.

В.: Сразу ли все стало определенным в вашей деятельности?

О.: Ясности никогда не было. Даже сейчас ее нет. Если раньше предприятия на год работали, то сейчас...

В.: Сейчас сезон отпусков. Если кто-то уходит в отпуск, каким образом передается работа, кому ее можно передать?

О.: Любому из нас можно передать любой фронт работы. То есть мы абсолютно взаимозаменяемы. Поскольку мы работаем с одними и теми же постоянными заказчиками. То есть все друг друга знают. Так что надо только пояснить какие-то передаточные моменты. Этому заказчику отдай это, этому передай то.

В.: Когда появляется новая работа, как она распределяется?

О.: Вначале новую работу я беру на себя. А потом люди подключаются.

В.: Существуют ли какие-нибудь технологии распределения работы, или это зависит от ситуации?

О.: У нас как таковой новой работы обычно не бывает. Все одно и то же. Продать больше.

В.: Если у человека становится слишком много работы, как можно поступить в этой ситуации?

О.: В этой ситуации, можно только остаться работать с 9 до 9 и т. д. Увеличивать свой рабочий день.

В.: Происходит ли в этом случае перераспределение обязанностей?

О.: Нет.

В.: Можно ли сказать, что на работе все организовано так, чтобы делать примерно одинаковую работу?

О.: Нет. Постоянной размеренной жизни не бывает. Обязательно что-нибудь случается. Вот вчера банк перестал работать и все, не отправляет деньги. Поставщики обязательно что-нибудь недоотгрузят, переотгрузят или не то отгрузят. То есть постоянно в контакте находимся со всеми.

В.: Часто ли происходят такие сбои? Работа все-таки больше ритмичная или нет?

О.: Ну... обычно ритмичная, но конец месяца, конец квартала, конец года... это очень сказывается» [Интервью № 3]⁵.

Офисный стиль организации труда получил большое распространение в пермском сообществе наемных работников малых и средних предприятий. Пермские офисные менеджеры заняты обслуживанием нужд городского бизнеса. Пространственная дистанция между ними и владельцами фирмы невелика. Руководитель фирмы для офисного работника – это реальный человек с его меняющимся настроением, манерой говорить, стилем одежды и привычками. И вместе с тем человеческие качества руководителя фирмы – это важнейшие элементы производственной ситуации, намного более значимые, чем объективные характеристики профессии, обозначенной записями в дипломе. Идентификация с предпринима-

⁵ Исследовательский проект «Мир офисной жизни: институциональное устройство» (2005–2009 гг.) (научный руководитель доцент А.Н. Кабацков). Группа интервью на тему «Офисный актер и практики деятельности» (2008). Информанты привлекались как из руководства, так и из рядового состава сотрудников пермских фирм.

тельской культурой, с ее ценностями и стандартами для менеджера в офисе – необходимое условие успешной карьеры.

Офисный работник ограничен в своих потребительских стратегиях невысокой зарплатой. Но в своих притязаниях и ожиданиях он свободен. Эталоны его потребительского поведения заданы боссами: большими шефами, по несколько раз в году отдыхающими на престижных и дорогих курортах, одевающимися в модных магазинах и с завидной регулярностью меняющих автомобили.

Неопределенность будущего, неуверенность в своем профессиональном и социальном статусе роднит их с предпринимателями и побуждает к совпадающим моделям культурных инсценировок в сфере потребления. Так, возле касс одного из самых дорогих продуктовых магазинов Перми от людей, по внешнему облику напоминающих менеджеров небольшой фирмы, можно услышать фразу: «Мы принципиально покупаем все здесь».

В замкнутом офисном пространстве резонируют суждения и мнения, оценки и установки, сложившиеся в совсем иной среде. Офисный работник способен воспроизводить телевизионное мнение не реже, чем подслушанные суждения начальства, но одновременно он готов поделиться информацией, услышанной от собственной бабушки, в магазине или общественном транспорте. Из этой разногласности рождается общественное мнение – текучее и неопределенное, лишенное укорененности в социальных традициях.

Подведем итоги. Перед нами – моментальный снимок, зафиксировавший состояние городского сообщества, пребывающего в движении. Переходный период не завершен. Прежняя общность разламывается на глазах, из нее прорастают новые социальные группы, практики и отношения; но старая оболочка еще жива. Экономическая дифференциация очевидна. Она бьет в глаза. Не будем смешивать ее с буржуазностью. Этот процесс в Перми только начинается. Новое вино зреет в старых мехах: и по вкусу и запаху не сильно еще отличается от известного национального напитка...

Интервью

Интервью У_2. Мужчина. Научный работник. 59 лет.

Интервью У_5. Женщина. Научный работник. ок. 40 лет.

Интервью У_7. Женщина. Научный работник. ок. 45 лет.

Интервью М_5. Женщина. Организатор массмедиа. ок. 40 лет.

Интервью И_6. Мужчина. Инженер. 51 год.

Интервью К_1. Женщина. Работник культуры. ок. 40 лет.

Интервью № 3. Мужчина. Предприниматель. 43 года.

Литература

- Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь: Пушка, 2002.
- Казанков А.И.* Самая тихая контрреволюция, или Как Ле Корбюзье развалил СССР // 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. ПермГАНИ. Ф.1. Оп. 25. Д. 291. Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б).
- Стяжкова Л.* Разруха в головах – разруха в клозетах // Ретроспектива. 2008. № 5.
- Шушкова Н.В.* Этот ускользящий патернализм. Попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1.
- Bahrdt H.P.* Die moderne Grossstadt. Soziologische Ueberlegungen zum Staedtebau. Reinbek b. Hamburg: Rowohlt, 1961.